

пабудовы і афармлення інфармацыйна-рэкламных матэрыялаў можа стацца ўкладам у распрацоўку навукова-тэарэтычных асноў беларускага капірайтынга і лінгвамаркетынгу.

У практычным сэнсе ў цяперашні час, калі беларускамоўная рэклама становіцца прыкметнай з'явай на маркетынгавым полі Беларусі, вывучэнне і прымяненне гістарычнага вопыту пры напісанні рэкламных тэкстаў будзе спрыяць стварэнню эфектыўных нацыянальных рэкламных мадэляў і стратэгий. Гэта ў сваю чаргу можа садзейнічаць павелічэнню беларускамоўнага сектара ў рэкламе і ўзмацненню прэстыжу беларускай мовы за кошт рэкламнай публічнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Горбач, В. А. Рэкламныя тэксты ў гісторыі газет “Наша Доля” і “Наша Ніва” (першае дзесяцігоддзе ХХ ст.) [Электронны рэсурс] / В. А. Горбач // Рэдагаванне рэкламных тэкстаў: электронны вучэбна-метадычны комплекс. – Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/210495>. – Дата доступу: 02.12.2022.
3. О рекламе: Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г., №225-3, в ред. Закона Республики Беларусь от 28.12.2009 г. №95-3 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектор», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

УДК 811.161

Н.П. Масловская, науч. сотр.
(ЦИБКЯЛ НАН Беларусі, г. Минск)

МОРФОЛОГИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исторически в Беларуси сложились свои, во многом неповторимые социальные, культурные и этноязыковые условия существования двух близкородственных языков – русского и белорусского. Совместное функционирование их в одном социуме в качестве государственных языков характеризуется своеобразными тенденциями. Отсюда следует и постоянное внимание лингвистов к сопоставительным исследованиям активных языковых процессов, обусловленных современной социолингвистической ситуацией в

стране. Необходимостью дальнейшей разработки сопоставительных исследований, обеспечивающих нормативное функционирование белорусского и русского языков, продиктована подготовка новых пособий с учетом языковой практики и тех тенденций, которые проявились в системах государственных языков в новом тысячелетии. Прежде всего, такие учебники ждут в образовательной сфере, средствах массовой информации, востребованы они и в иных сферах жизнедеятельности общества для повышения общей филологической культуры. Подтверждением являются результаты, полученные академическими лингвистами в системном исследовании «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование» [1]. В книге на большом фактическом материале детально представлены общие и отличительные черты в системах близкородственных языках.

Четкое осознание того, что даже в таких генетически близких языках (как белорусский и русский), выявляются значительные расхождения и на фонологическом уровне строения морфем различных типов, и в составе морфем одной морфемы, а также в использовании этих отличий в функциональных целях, позволяет избегать языковых ошибок тем, кто использует два языка в своей повседневной жизни. Описанные таким образом отличия имеют статус морфонологических преобразований фонемного состава слова, обусловленного сочетаемостью с определенными морфемами, входящими в состав форманта.

В статье в качестве морфонологических характеристик рассматриваются такие формальные особенности структуры слова и морфем его образующих, которые выявляют изменчивость при их объединении в одно целое и помогают сигнализировать о выполняемых ими грамматических функциях. Таким образом, в исследуемом материале мы соотносим определенным образом грамматические структуры с корпусом морфем, маркируя, с одной стороны, определенные типы морфем, а с другой – определенные грамматические формы, словообразовательные модели, основным показателем которых остаются специальные грамматические морфемы / или аффиксы.

В словообразовании подобные преобразования имеют место преимущественно перед суффиксальными морфемами, а также при смешанных способах с участием суффиксации, в том числе в образованиях с нулевым суффиксом. Важнейшей морфонологической характеристикой аффиксальных словообразовательных морфем является их повокальность или поконсонантность. Повокальными

являются такие суффиксальные морфы, которые выступают в структуре деривата после мотивирующей основы на гласную. Главным образом они характерны для отглагольного словообразования существительных: рус. *шипéть* – *шипéние*, *вéять* – *вéяние*, *терпéть* – *терпéние* // бел. *жада́ць* – *жада́нне*, *адзе́ць* – *адзе́нне*, *ураўно́ўваць* – *ураўно́ўванне*. В работах по морфонологии белорусского языка, например, указывается, что «более двадцати суффиксальных словообразовательных морфов существительных присоединяются к неизменяемой мотивирующей глагольной основе и только два морфа – прилагательных. В словообразовании же наречий мотивирующие основы глаголов на гласную не используются вообще. Значит, повокальные суффиксальные морфы в наречиях, образованных от глаголов, отсутствуют» [1, с. 195]. Следовательно, перед повокальными суффиксальными морфами в основе мотивирующего слова не отмечается никаких линейных преобразований: рус. *пуга́ть* – *пуга́ный*, *танцева́ть* – *танцева́льный*, *кино* – *киношный*, *купе* – *купейный*, *два* – *двадцать* // бел. *кіно* – *кіношны*, *адкры́ць* – *адкры́ты*, *разбі́ць* – *разбі́ты*, *два* – *дваццаць*.

Большинство суффиксальных морфов, выступающих в словах, мотивированных именами являются поконсонантными: рус. *бага́ж* – *бага́жник*, *дождь* – *дождли́вый*, *па́ром* – *па́ромщик*, *водопро́вод* – *водопро́водчик*, // бел. *скарб* – *скарбні́к*, *лі́тасць* – *лі́тасцевы*, *брат* – *бра́таў*, *рэ́энт* – *рэ́энтўра*, *пай* – *пайшчы́к*, *набо́р* – *набо́ришчы́к*, *зака́з* – *зака́зчы́к*. Как видно из примеров, дополнительно в сопоставительном морфонологическом исследовании необходимо учитывать такие суффиксальные морфы как *-чы́к*, *-щи́к* // *-льщи́к* // *-т-*, которые при тождественности лексического значения ‘лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом’, находятся еще и в отношении дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения): рус. *перема́твальщи́к* / бел. *перамо́тчы́к*; рус. *пого́нщи́к* // бел. *паганя́ты*. Их фонематический вид изменяется в зависимости от грамматических условий, в которых они могут быть использованы в процессе деривации. Так, морфы *-чи́к* // *-чы́к* употребляются тогда, когда мотивирующая основа заканчивается на согласные *д*, *т*, *з*, *с* рус. *обхо́дчи́к* // бел. *абхо́дчы́к*; рус. *плака́тчи́к* // бел. *плака́тчы́к*; рус. *зака́зчи́к* // *зака́зчы́к*; рус. *перепи́счи́к*; // бел. *перапи́счы́к*. В других случаях употребляются остальные морфы рус. *обшива́льщи́к* // бел. *абшыва́льшчы́к*; рус. *па́ромщи́к* // бел. *па́ромшчы́к*; рус. *па́рильщи́к* // бел. *па́рыльшчы́к*.

Поконсонантными являются все нулевые суффиксальные морфы: основа в дериватах с нулевым суффиксом всегда заканчивается на согласную: рус. *выходи́ть* – *вы́ход*, *заменя́ть* –

вза́мён, записáть – за́пись // бел. сумава́ць – сум, замя́ніць – уза́мён, сушы́ць – суш.

Основным механизмом морфемного варьирования и взаимного приспособления морфем при их объединении в слове являются морфонологические чередования. В соответствии с пониманием чередования как такой мены фонем, которая не обусловлена живыми фонетическими законами современного языка, предметом анализа являются чередования в основе мотивированного слова, которые сопровождают аффиксацию. Все эти чередования отмечаются только в исходных основах на согласную, а это значит при поконсонантных аффиксальных морфах. Основное количество чередований приходится на исход корневой морфемы. Тот факт, что большинство чередований отмечается именно в конце корневых морфем, на границе морфемного шва объясняется тем, что исторически эти чередования не приводили к утрате тождественности морфем. Более того, в лингвистической литературе указывается, что сведения о том, что в определенном языке поведение фонем внутри морфем и на стыках морфем нетождественные, должны рассматриваться как морфонологические, поскольку условия поведения фонем продиктованы морфологией, морфонологические характеристики также обуславливаются морфологией [3, с. 14–15]. Например, чередования «заднеязычных с шипящими» закреплены в русском и белорусском языках за словообразовательными моделями с суффиксами *-ок*: рус. *друг – дружо́к, сук – сучо́к, пух – пушо́к, пасту́х – пастушо́к* // бел. *стаг – стажо́к, снег – сняжо́к, сок – сачо́к; -н-, -нік*: рус. *рука́ – ручно́й, нога́ – ножно́й, тихи́й – тишина́* // бел. *рука́ – ручны́, нага́ – нажны́, снег – снежны́, саха́ – саши́к, сухи́ – сушня́к, бура́к – рурачнік*.

Таким образом, установлено, что наиболее последовательно регулярность морфонологических модификаций при словообразовании в близкородственных языках проявляется в двух планах: во-первых, в устойчивости морфонологических корреляций и изменений между строго конкретными элементами формальной структуры морфем, во-вторых, в том, что среди чередований в основе мотивирующего слова основное количество чередований приходится на исход корневой морфемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / А.В. Андреева [и др.]; науч. ред. А.А. Лукашанец, О.М. Николаева; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., фил. «Ин-т языка и лит. имени Якуба Коласа и Янки Купалы». – Минск: Беларус. наука, 2014. – 486 с.

2. Русак, В.П. Марфаналягія словазмянення і словаўтварэння сучаснай беларускай мовы / В. П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 429 с.

3. Макаев, Э.А., Кубрякова Е.С. Отличительные черты морфонологии германских языков с историко-типологической точки зрения / Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова // Историко-типологические исследования морфологического строя языков. – М. : Наука, 1972. – С. 7–38.

УДК 811.161.1

О.Л. Татур, науч. сотр.
(ЦИБКЯЛ НАН Беларусі, г. Минск)

МОРФОНОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВЫ МОТИВИРУЮЩЕГО ГЛАГОЛА

Русский язык как язык флективного типа имеет в структуре слов такие свойства, которые создают очень высокую потребность в морфонологических преобразованиях.

К типологическим особенностям, связанным со строением и фонемным составом слов, по меньшей мере, относятся два момента.

Во-первых, плотное соединение основных частей слова друг с другом, которые вступая в тесное формальное и семантическое взаимодействие, как бы сплавляются в единое целое.

Во-вторых, необходимость осмысления и описания норм формальной адаптации регулярных морфонологических вариантов, которые влияют на процесс соединения мотивирующей основы и деривационного аффикса/ форманта.

Для обозначения присоединяемого компонента в словообразовании часто используется термин «формант» [1], который подчеркивает, что речь идет о единице не морфемного, а более высокого уровня – деривационного. Основа, в широком смысле слова, в таком случае, определяется как то, к чему присоединяется формант. Такое операционное определение позволяет выделять любую часть слова (словоформы), к которой присоединяется тот или иной аффикс.

Основные адаптационные процессы в русском языке носят контактный характер, поскольку варьирование, прежде всего, происходит на деривационном шве, в месте соединения основы и форманта. Передача нового понятия новой лексемой базируется на подборке составных частей – мотивирующего слова и форманта.